

А. Вельтман

Странник

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А11

A11 **А. Вельтман**
Странник / А. Вельтман – М.: Книга по Требованию, 2021. – 186 с.

ISBN 978-5-4241-3239-1

"Странник" пестрая, многоплановая картина, объединяющая множество лиц: строевых офицеров и квартирмейстеров, солдат и крестьян, молдавских и валашских бояр и трактирщиков, бессарабских дам и слуг. Это в свою очередь вызывает языковую пестроту: на страницах романа звучит немецкая, греческая, молдавская, турецкая речь. Но в то же время это роман одного героя Александра, Странника. Все остальные лица, появляющиеся эпизодически, создают фон, на котором разворачивается рассказ о жизни и поисках молодого офицера, о становлении его личности.

Тема "Странника" история молодого человека была подсказана временем. Большое влияние на замысел Вельтмана оказали те семь глав "Евгения Онегина", которые вышли к лету 1830 г. Если произведение Пушкина явилось энциклопедией российской действительности, то из-под пера Вельтмана вышла энциклопедия бессарабской столичной и провинциальной жизни.

ISBN 978-5-4241-3239-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А. Вельтман, 2021

Александр Вельтман
Странник

*В крылатом легком экипаже.
Читатель, полетим, мой друг!
Ты житель севера, куда же?
На запад, на восток, на юг?
Туда, где были иль где будем?
В обитель чудных, райских мест,
В мир просвещенный, к диким людям
Иль к жителям далеких звезд
И дальше – за предел Вселенной,
Где жизнь, существенность и свет
Смиренно сходятся на нет!"
И т. д. ¹
Странник. Часть II
ВАМ ²*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

День I

Намерение, Решительность. Европа. Выезд. Предисловие. Быстрота. Нострадамус. Прибытие в Хотин. Я. Положение Хотина. Сон. Полночные прогулки. Заря

День II

Первый ночлег. Моя слава

День III

Спокойствие путешествия. Замечание. Отрывок из обыкновенных предисловий. Монастырь. Берега Днестра. М. Каменка. Дорога между Черной и Сахарной. Каруцы ³. Сытый голодного не разумеет. Страшный сон. Монтекукулли. Калейдоскоп. Солнце и Земля. Эскандер. Мысль.

День IV

Подробная карта. Скала. Наводнение в Испании и Франции. Всемирный потоп. Рыбы. Монастырь Городище. Проводник. Прибытие в Кишинев. Настоящее время. Расход

День V

Довольно справедливое заключение. Агамемнон. Вес холостого и женатого. Женатый походный офицер. Потеря времени. Молва. Приятный вечер

День VI и VII

Лукулл. Предрассудок. Кишинев. Жиды. Еврейская мелодия. Ауб. Первый шаг на улицу. Плачинды. Экипажи. Митрополия. Куконы ⁴. Пицца

День VIII

Я и время. Положение, Бессарабии. История Бессарабии. 300 спартанцев и 300 историков. Окошко. Молдаванский бояр. Куконица ⁵Ралу. Мой товарищ. Да и нет. Новоселье. Нас было... столько-то. Экспромт.

День IX

Магомет; 7-й сад Эдема; чудные древа и удивительные ангелы. Гора Абарим. Обетованная земля. Думы вслух

День X

Порядок. Разговор в стихах. Кишиневский сад. Кокетка; чудо, прелесть, роскошь, огонь и божество. М

День XI

Кишиневское озеро. Переселение крылатых; Гусь-Историк. Любопытные вейцы в Кишиневе. Мой конь. Хозяйка. Бендеры. Карл XII. Ложe сна

День XII

Тирасполь. Мазил; угощение; Джок. Мультипремульцимеск⁶. Разговор с милой читательницей. Г. Тирас; милетка. Вероломство читателя. Белгород; Овидий, Томи. Черное море; буря

День XIII

Феб и Аврора. Права. Командировка. Поэма Эскандер. Допросы. Вавилонская башня. Аккерманские стены; немецкая колония; кофий. Кагульское поле; Измаил; Суворов; Псаметтих. Манечка. Дорога по границе. Тоска и скука. Восклицание рыцарей. Нищие. Армасар

День XIV

Путь под покровительством Адеоны. Мои книги. Султанша. Черкесы. Хозары. Природа Подолиш. Тульчин. Сад Хороший. Лебеди. Я гулял. Прошедшее. Няня. Купальня. С. Лозово. Манускрипт в стихах. Выписка из него. Мариолица

День XV

Постоянное место в службе. Последняя талия. Поход. М. Фальчи. Капля. Произвол. Мой друг. Он же. Заключение I тома путешествия

День I

I

Наскучив сидячею, однообразною жизнью, поедемте, сударь! – сказал я однажды сам себе, – поедемте путешествовать! – Как? куда, каким образом, с чем? отвечал я, лежа на широком диване, и с глубокомыслием затянулся дюбеком⁷, – нужны деньги! – Нужна голова, нужны решительность и воображение; поверьте, что с этими способами можно удовлетворить самое мелочное любопытство; не сходя с места, мы везде будем, все узнаем. Разница между нами и прочими путешественниками будет незначительна: они самовидцы, а вы ясновидец. Что пользы все видеть и, подобно Пиррону и его последователям⁸, во всем сомневаться; не лучше ли ничего не видеть и ни в чем не сомневаться?

II

Кто твердо решился, тот уже половину сделал, говорит пословица. Я твердо решился путешествовать кругом света и далее, если можно; вот, от моей твердой решительности, половина света уже объехана: половина света, которая пуста и незамечательна, в которую я – и заезжать не буду.

III

Потрудитесь, встаньте, возьмите Европу за концы и разложите на стол... Садитесь! Вот она, Европа! Но не смотри вдруг на всю просвещенную часть земли. Занимать очи, слух или мысли в одно и то же время несколькими предметами ужасно как вредно для умственных способностей.

IV

Как любопытный чужестранец,
И в мир любви я загляну;
То залюбуюсь на румянец,
То подивлюсь на белизну;
То засмотрюсь на все созданье,
То прикую свое вниманье
К частице общей красоты;
То в бездну погружусь мечты;
И осмотрю я в треугольник ⁹
С известной точки шар земной;
А мой читатель, как невольник,
Скитаться будет вслед за мной!

V

Итак, вот Европа! Локтем закрыли вы Подолию... Сгоните муху!... вот Тульчин ¹⁰. Отсюда мы поедем в места знакомые, в места, где провели крылатое время жизни. Ступай в Могилевскую заставу!... Чу! кстати на улице зазвенел почтовый колокольчик... Бич хлопнул, прощайте, друзья! *audaces fortuna juvat!* ¹¹

VI

Я путешествую не для того, чтобы вы читали мое путешествие; по если оно попало уже к вам в руки и вы непременно желаете видеть следы мои, от самой точки отъезда до благополучного возвращения, то по прибытии в Нубию ¹² я объявлю вам цель своего путешествия и для чего я писал его; до того же времени советую прочитать книгу под заглавием: *Великие дела от маловажных причин*. Если же вам неинтересно будет знать, каким образом отыскана и вошла в употребление соль, то не читайте книги, довольно знать и одно заглавие.

Очень известно каждому любителю чтения, до какой степени несносно всякое предисловие, особенно когда г. Сочинитель, неуверенный еще, возьмут ли труд читать его книгу, просит уже пощады и помилования ей и извиняет недостатки ее всеми обстоятельствами своей жизни. Вот почему я не хочу продолжать предисловия.

Хоть я и не буду писать во многих местах ясно, но ни за что не соглашусь толковать настоящего смысла некоторых случайных выражений, которые на пути моем встретятся, как необъяснимые метеоры моего блуждающего воображения.

Покуда Геркулес найдет, на чем переправиться через Атлантический океан, пусть будет здесь: *Nec plus ultra!* ¹³

VII

Кофе, или кофий, со славными сливками и трубка должны быть всегда заключением завтрака перед отъездом. Чухонское масло гладко стелется по белому хлебу, если это кофий утренний; и иногда кажется, что он не желудок мой, а мою душу наполняет собою.

До Могилева ¹⁴ нигде на станции мы неостановимся. Поздно сказано! Воображение уже спустилось с каменной горы, проехало без внимания город, таможенно, карантин ¹⁵ и переправилось через Днестр, не двигая с места парома. Какая

быстрота! Где сто десять верст?

VIII

«Торопливость носит наружность страха, небольшая медленность имеет вид уверенности», – пишет Тацит ¹⁶, и потому должно ехать медленнее, кто-нибудь скажет; – неправда, говорю я и продолжаю путь во всю пруть своего воображения. Но оно расположилось отдыхать на кружочке на Днестре, над которым выгравировано: Атаки. Покуда вы ходите по местечку и по некоторой части прошедшего времени, я, между тем, с позволения вашего, прочитаю что-нибудь из тетрадки, которая с полки упала прямо в Ледовитое море.

Заглавие оторвано, начала нет; но кажется, что это дневные записки, писанные в роде предсказаний Нострадамуса ¹⁷. Например:

Апр. 20:
Кто видел ее и меня
В минуты печальной разлуки?
Кто чувствовал жжение огня
И слышал лобзания звуки?
О друг мой! души не волнуй
Слезами, блистающим взглядом,
Мне будет медлительным ядом
Прощальный любви поцелуй!

Подобная вещь может с кем-нибудь случиться и не 20 апреля 1822 года, а 1, 4, 8 или 20 мая 1922 года; и потому все эти слова, писанные давно и сбывшиеся в следующем веке, могут считаться чудным предсказанием.

IX

Но вы торопитесь ехать далее. От Атак Днестром, мимо с. Мерешевки, на гору, через Окпцу до м. Бричан; от Бричан еще 50 верст, и мы в Хотине ¹⁸.

X

Смотрите пристально на карту:
Вот Бессарабия ¹⁹! вот свет!
Я в нем, чуть-чуть не десять лет,
Как шар катался по бильярду!
Лишь иногда нелегкий черт
Меня выкидывал за борт.

XI

Но посмотрим, что скажет Хотин. Город командует крепостью, крепостью-цитаделью, или замком. Через крепость проходит лощина, лощиной можно подойти к крепости. Замок древен, построили его генуэзцы. Тут же, кто-то написал, был замок греческой царевны Софьи.

Замок, скалистый берег Днестра, шум воли, тропинка в гору, густой кустарник, сад, площадка на скате, сгнившая беседка... все это сливается в романтическую немецкую древность.

Странствующие рыцари исписали внутренность беседки стихами в честь своих Розалинд, Идалид, Ид и Саломей; исписали воспоминаниями, мыслями и

т. п. вещами, наприм.:

Как любовь всегда оплошна!

Здесь однажды ненарочно...

Далее стерлось.

XII

Но, кажется, довольно на первый раз; не пора ли на ночлег? В городе душно, грязно! заедем куда-нибудь в деревеньку на Днестре; например, в Недобоуцы или в Шароуцы.

Так как по самой лучшей деревне Хотинского цыгута²⁰ нельзя судить ни об обычаях, ни о нравах, ни об уме, ни о способностях молдавского народа, то я откладываю описание его до первого джока²¹, который мне случится видеть в Орхеевском цыгутае. Между тем я теперь имею все право предпочесть сон всему в мире и запеть:

О сон, о тайный чародей!
Безмолвной Леты житель!
Пришлец невидимый ночей,
Спокойствия отрадный водворитель!
Люблю тебя, ты негой дан,
Люблю твое роскошное я ложе!
Твой соблазнительный обмен
Мне в жизни стал всего дороже!
Я лег, я жду тебя, скорей
Осыпь меня волшебными цветами!
И усыпленьем сладким вей,
И обнимай пуховыми крылами!

XIII

Нет, думал я, мне не хочется спать, я не буду спать, я не стану спать! Часы пробили полночь! какой знакомый час! бывало он для меня то же, что колокол к заутрене для Арины Макарьевны. Перекрестившись, я отправился и... гулял по берегу Днестра. Помните ли?

Как роза, жаркою порою
Склонив румяную главу
И пышный стебель на траву,
Ждет утоления от зною
И, упоенная росой,
Листочки распахнув, лежит...

Далее в манускрипте стерлись слова, как в Паросском мраморе стерлись некоторые оды Сафо²².

XIV

Лежать, ждать сна и не засыпать, это ужасно!... Быстро пронеслась она по воображению!... кажется, прикоснулась ко всему существу моему!... обожгла меня!... Ах призрак, призрак!

Очаровательна, румяна.
Игривой живости полна,

В прозрачной ткани из тумана,
Пленила чувства мне она!
Не сплю я... вся душа в томленьи!
Я жду ее... я весь горю!...
Ревнивы, бросьте подозренье,
Я жду румяную зарю! ²³

День II

XV

Дорога меня совершенно разбила; проснувшись около полудня, я чувствовал себя немного нездоровым. Кто пускается в такой дальний путь, того тревожит раздумье на первом ночлеге. Приятно путешествовать! – думает он; но для того, кто возвращается на родину, она ему кажется как берег для спасенного от кораблекрушения. Так Дон Жуан ²⁴, пускаясь в путь, не мог отклонить печальных взоров своих от берегов Испании. Первый отъезд есть урок горестный. Он подобен чувству, которое ощущают даже целые народы, отправляясь на войну. Неизъяснимое волнение тревожит нас; сердце поражено ударом неожиданным. Как ни неприятны были люди и места оставляемые, но все нельзя не оглянуться без умиления на колокольню, возвышающуюся между пышными домами города или между мирными хижинами селения. Таким точно показался бы мне костел св. Доминика, если б я родился в Тульчине и был католического исповедания; но, увы, он не произвел во мне никакого впечатления, подобно проповеди отца доминиканца, наполненной воззваниями к благочестивым слушателям, чтоб они внимали истине, не заглядывались на стороны и не мыслили о посторонних. – Папинека! учитель мне сказал, что истина на дне колодца? – Да, друг мой, *на дне колодца в долгом ящике.*

XVI

Я желал бы... чтоб мое путешествие меня прославило... и т. д.

День III

XVII

Пора вставать, мой милый Александр, десятый час! – Нет, подожду, жаль оставить постелю и книгу... – Что это за книга? – *Путешествие Анахарсиса*. Г. Сочинитель аббат Бартелеми ²⁵ также ездил по картам и книгам, объехал всю Грецию и посетил глубокую древность.

О спокойное путешествие! куда не уедешь с крылатым воображением?

XVIII

Чтоб не без пользы совершить путешествие по Арктическому и Антарктическому полушарию глобуса, представляющего Землю, то должно вести подробную опись всем попадающимся в глаза предметам; например: №. Пример здесь был; но я половину примера стер, а другую выскоблил. Мне не понравился он по своей обыкновенности; впрочем, подобные примеры можно всегда найти в ста-

рых календарях, в счетах, в отчетах, в памятных и записных книжках.

XIX

Здесь также нехудо предупредить читателя, чтоб он не требовал от меня чистого, звучного слога и изысканной красоты. Выпиши, мой друг, эту страничку; это слова Аристотеля, Дионисия Геликарнасского, Квинтиллиана, Цицерона и пр. у. м. ²⁶

«Как неприятно видеть почтенного Автора, который унижается, стараясь сделаться писателем звучным, сокращает искусство свое для достоинства и благовидности выражений, трудолюбиво подчиняет мысли словам, избегает стечения гласных с детскою принужденностию, округляет периоды и уравнивает члены выражениями ничтожными и неуместными красотами.»

XX

Кому мой труд не неприятен,
Тот может раз его прочесть;
Но так как в солнце пятны есть,
То есть и в нем премного пятен.

Это клочок из обыкновенных предисловий.

Теперь можем отправляться далее; едем, едем! и вот подали... карту. От Хотина в Кишинев, Днестром, дорога по крутому берегу, в некоторых местах узка и опасна; но наш экипаж везде проедет.

XXI

Не заезжая в Нагорени, Молодову, Коршан. Высилево, Вережаны и проч., где местоположение мило, прекрасно и близко к сердцу уроженца, но далеко от моих обстоятельств и привязанностей, я несусь далее. Атаки мимо! а то опять в два месяца вызовешь. Нет ничего хуже процесса по старому делу!

Горит вечерняя заря,
Темнеет лес... нас только двое...
Уж крест потух монастыря...
Пойдемте! подозренье злое
Стыдливость в краску приведет,
И на невинных грех падет!

Как это монастырь называется?... позабыли? Какая досада! на карте он не подписан.

XXII

Берега Днестра красивы, круты, скалисты, покрыты лесом и кустарниками; но они довольно наскучили нам единообразием предметов. В извилины заезжать не будем.

Это древняя Ольхиония, впоследствии Сокол, а наконец Сорока. Маленький генуэзский замок, наподобие вырезываемого в гербах, вот все, что любопытно в м. Сороках. Против Сорок, за Днестром, г. Цекиновка, также ничем не замечательный.

Еще несколько десятков верст по Днестру, и вы видите на левом берегу прекрасный, очаровательный дом; за ним видите вы крутизну берега, усеянного